

)

Уже несколько дней снег шел все сильнее, а из-за продолжающегося отключения электричества университет выпустил временное распоряжение о приостановке занятий.

Студенты вовсю жаловались на то, что паршивую проводку в общежитии не могут починить целую вечность, но внеплановые каникулы с лихвой окупали это неудобство.

Снег, холод и отсутствие пар – Ци Шуюэ теперь и вовсе не горел желанием выходить на улицу. Он лениво утонул в мягком кресле, перелистывая какую-то книгу для развлечения и ожидая, пока Гуань Е принесет ему завтрак.

В последние дни он слишком сильно привязался к Гуань Е, и Ци Шуюэ сам понимал, что в этом мало хорошего. В конце концов, зомби-апокалипсис еще даже не разразился, а он уже так испугался из-за каких-то странных предзнаменований погоды – когда придется столкнуться с настоящими монстрами, станет только труднее. К тому же... К тому же Гуань Е не сможет вечно находиться рядом.

Разве ему не стоило понемногу привыкать к самостоятельности, раз уж в будущем Гуань Е от него «откажется»?

Так размышлял Ци Шуюэ.

Когда Гуань Е вышел за дверь, дверь квартиры напротив под номером 701 была распахнута настежь.

Парень, игравший в телефоне, быстро глянул в ту сторону и, увидев Гуань Е, заметно помрачнел. Гуань Е почувствовал его враждебность, но по сравнению с этим бушующим гормонами, безмозглым и импульсивным взрослым мужчиной, его куда больше заботил завтрак для Ци Шуюэ, поэтому он ушел, даже не удостоив парня лишним взглядом.

Парень раздраженно сказал своему соседу, лежащему на кровати:

– Опять этот прихвостень таскает еду для нашей «барышни». И чего этот неженка целыми днями торчит в комнате, даже носа не кажет?

То, что Ци Шуюэ живет в комнате 702, не было секретом – в конце концов, это и не скрывалось особо.

Седьмой этаж в основном занимали старшекурсники, которые редко появлялись в общежитии из-за стажировок и работы, поэтому большинство комнат пустовало. Заселены были только две, отведенные для первокурсников.

Кто-то открыто завидовал обитателям 701-й комнаты: мол, жить с Ци Шуюэ на одном этаже, да еще и так близко – невероятная удача, ведь они наверняка часто его видят.

Парень из 701-й тут же помрачнел и во всеуслышание заявил, что он вообще-то натурал, и радоваться соседству с каким-то мужиком нечему – подумаешь, великая радость, все прямо так и мечтают виться вокруг этого Ци Шуюэ.

Говорили, что позже он даже хотел с кем-то поменяться комнатой – желающих было хоть отбавляй, – но по какой-то причине обмен так и не состоялся.

А с соседом по комнате этого парня связывали крепкие приятельские отношения во многом потому, что они стоили друг друга. Этот сосед тоже пылал к Ци Шуюэ какой-то странной, необъяснимой злобой: за глаза поливал его грязью, обзывал неженкой и капризной барышней, а Гуань Е, вечно следовавшего по пятам, называл не иначе как прихвостнем и долбанным педиком.

Обычно они с легкостью поддерживали подобные разговоры, но на этот раз сосед лежал на кровати подозрительно тихо. Парню стало не по себе, и, отдернув занавеску, он заглянул внутрь:

– Какого хрена, старина Ян, у тебя лицо красное как рак! Подхватил лихорадку? Сгонять в медпункт за таблетками?

Лежащий на кровати «старина Ян» – Ян Чэнь – тяжело и часто задыхался. Лицо его покраснелось, грудная клетка вздымалась с пугающей амплитудой, а глаза, налитые кровью, были прикованы к потолку. Он не моргал уже целую вечность, хотя его сосед, разумеется, не заметил этой жуткой странности.

Услышав слова товарища, Ян Чэнь с донельзя затёкшей шеей повернул голову:

– Гуань Е ушел... Ци Шуюэ... сидит в комнате?

Парень кивнул.

– Должно быть, вчера его так отделали, что он с кровати встать не может, – лицо Ян Чэня приобрело мертвенно-бледный, пугающий оттенок. – ...Какая же шлюха.

Парень посчитал, что ругань зашла слишком далеко, и промолчал. В следующую секунду Ян Чэнь резким движением сорвался с кровати – его проворство совершенно не вязалось с состоянием тяжелобольного человека и выглядело пугающе неестественно, так что парень на мгновение остолбенел. А следом он увидел, как Ян Чэнь распахнул дверь и направился прямо к 702-й комнате. Тот едва не лишился дара речи от ужаса, в панике замахав руками: – Эй, ты чего творишь?!

Хотя за глаза они и поливали Ци Шуюэ грязью, в лицо ему никогда ничего подобного не высказывали.

Но сейчас старина Ян явно бредил в лихорадке, совсем потеряв рассудок, и колотил в дверь кулаком за ударом удар. Лицо парня побагровело, ему до смерти хотелось отвесить тому пинка, и, завидя, что дверь приоткрылась, он инстинктивно попытался спрятаться, чтобы не иметь с этим ничего общего.

Ци Шуюэ в этот момент думал, что Гуань Е что-то забыл и вернулся.

Шлепая тапочками, он медленно поплелся открывать, но стоило створке приоткрыться, как перед ним возник незнакомый парень. Лицо безумно красное, глаза слегка вылезли из орбит и впились в него налитыми кровью белками.

Ци Шуюэ показалось, что лицо вроде бы знакомое, но раздумывать он не стал и максимально вежливо, с прохладцей в голосе спросил:

– Эй, однокурсник, что-то случилось?

Собеседник молчал.

Ци Шуюэ чуть склонил голову, вопросительно глядя на него. Серебристые пряди, собранные в

небрежный хвостик, соскользнули при движении и спрятались за пушистым воротником пижамы, словно кто-то припрятал лунный свет.

Взгляд Ян Чэня неотступно приковало к этому серебристому хвостику, а затем скользнул ниже – к белоснежной, изящной шее.

Очень красиво.

Жаль только, что на ней алел едва заметный розовый след – то ли от поцелуя, то ли от чьей-то шалости.

– ...Ци Шуюэ, – выдохнул Ян Чэнь.

Его глаза наливались все большей кровью.

Кожа у Ци Шуюэ была нежной, так что синяки и отметины оставались на ней моментально; он и сам уже не помнил, откуда взялся этот бледный след на шее, но откровенно агрессивный взгляд незнакомца заставил его насторожиться и почувствовать неприятный холодок.

Заметив болезненный вид Ян Чэня, Ци Шуюэ решил, что тому совсем худо, и он пришел за лекарством. Превозмогая легкую неприязнь, он вежливо осведомился:

– Тебе нужны жаропонижающие? Я сейчас принесу.

Но в следующий миг Ян Чэнь без предупреждения шагнул вперед и вломился в комнату. Ци Шуюэ оттолкнуло плечом, он инстинктивно отшатнулся назад, и поясницей со всего маху врезался в угол стола. Удар вышел болезненным, так что он лишь сдавленно шикнул, на секунду полностью потеряв дар речи.

– Ты...

Ци Шуюэ тут же развернулся и прикрикнул на него:

– Ты что творишь?!

Взгляд же Ян Чэня в это время уже упал на две кровати в комнате.

Одна была застелена безупречно – настолько аккуратно, что на ней не оставалось и намека на то, что кто-то вообще ложился.

На второй же красовалась чужеродная деталь – пушистая светло-синяя подушка совершенно другого оттенка. Рядом валялась грелка, лента для волос, а поверх была аккуратно сложена бледно-белая шарф-накидка.

Тот самый шарф, который Ци Шуюэ надевал раньше.

Зубы Ян Чэня со скрипом сжались, издавая противный скрежет. Кулаки окаменели, а всего его тело забило в странной, пугающей дрожи.

Он резко выдал хриплый, словно опаленный дымом голос:

– Вы что, вчера спали вместе?!

Ци Шуюэ опешил:

– ?

Хотя это чистая правда, отвечать на подобный допрос он не видел ни малейшей необходимости:

– Не твоё дело. Проваливай из моей комнаты.

Ещё недавно Ян Чэнь грязно сплетничал о Ци Шуюэ, уверяя всех, что тот наверняка переспал с Гуань Е. Но сейчас, стоило ему увидеть это, он выглядел так, будто получил сильнейший удар под дых – его буквально прорвало от ревности и обиды:

– Вы... да как вы?! На каком основании?! Все же знают, что этот Гуань Е – обычный телохранитель! В университете каждый в курсе, что он таскается за тобой только из-за денег! Вечно ходит по пятам, как последняя шавка. Ци Шуюэ, ты что, и вправду купился на это дешёвое лизоблюдство?!

Ци Шуюэ на секунду потерял дар речи от такого напора. Он еще не успел толком сообразить, что за бред несет этот психопат, как его внезапно схватили. В панике он снова ударился о край письменного стола, и по телу разлилась острая боль.

Однако выражение лица Ян Чэня стало еще более жутко-перекошенным. Упершись обеими руками в плечи Ци Шуюэ, он полностью зажал его в тисках, нависая сверху:

– А с Мэн Сяньвэнем ты был так жесток! Заявлял, что мужики тебе не нравятся, ха! Так почему же для Гуань Е сделал исключение? Чем этот ублюдок лучше?!

Вот теперь Ци Шуюэ по-настоящему испугался. Вся его прошлая жизнь проходила под стеклянным колпаком, где его холили и лелеяли, поэтому с подобными безумцами и фанатиками он сталкиваться еще не доводилось.

От боли и накопившегося шока на глазах мгновенно выступили слезы – его тонкая, чувствительная натура реагировала на стресс моментально, и в уголках тут же заблестел влажный туман.

– Или тебе нравится, когда перед тобой пресмыкаются, как собаки? Хочешь, я тоже буду твоей собачкой? Гав... гав! – Ян Чэнь выдал это таким неестественным, загробным тоном, что от его слов разлило откровенной, липкой издевкой.

Его белки залило новой волной лопнувших сосудов. Не сводя с Ци Шуюэ безумного взгляда, он с силой вдавил его обратно в мягкое кресло. – Почему ты никогда на меня не смотрел?! Ни разу в жизни! Когда я постучал в дверь, у тебя было такое холодное лицо – ты ведь даже не помнишь, кто я такой, да? И понятия не имеешь, как меня зовут!

С этими словами его лицо задергалось в судороге, словно он больше не мог контролировать собственные мышцы. Черты исказились до неузнаваемости, и с точки зрения Ци Шуюэ отчетливо было видно, как из-под разорванной губы проступают длинные, острые клыки.

Острые клыки...

Ци Шуюэ, который до этого только злился и бесился из-за внезапного сумасшедшего вторжения и грязных намеков на его связь с Гуань Е, вдруг замер. Словно на него вылили ушат ледяной воды, в голове наконец-то щелкнуло.

В начале эпохи бедствий у некоторых «избранных небесами» людей начинают проявляться

странные мутации. Те, кто вступает в «период трансформации», погружаются в жар и бешенство, теряют рассудок, а их поведение становится чрезмерно агрессивным. Они также крайне восприимчивы к внешним раздражителям, из-за чего вскоре демонстрируют сильнейшую кровожадность.

В период трансформации человека время от времени настигают нерегулярные приступы сильнейшей боли, известные как «период боли». Но те, кто полностью проходит через этот этап, обретают мощные способности.

- Однако существует и другой исход.

С ничтожно малой вероятностью человек может пойти по противоположному пути эволюции: миновать период боли, обрести нечеловеческую силу, проявить некоторые нечеловеческие черты и в конце концов... превратиться в первородного зомби с высокой степенью деградации.

Даже после эволюции такие первородные особи сохраняют частичный рассудок и особые способности, позволяющие им управлять остальными зомби в определенном районе, что делает их крайне опасными и трудноуязвимыми противниками. Именно в таком положении находился злодей из оригинального сюжета – он был королем зомби высшего порядка.

Состояние Ян Чэня сейчас как раз очень походило на этих «избранных». А явные изменения его зубов недвусмысленно указывали на то, что чаша весов эволюции склонилась в сторону того самого маловероятного сценария.

Это был предвестник превращения в зомби.

Лицо Ци Шуюэ побледнело.

Он слишком расслабился.

Сейчас стоял день, а вовсе не «глубокая ночь» начала вспышки зомби-вируса из канонического сюжета. Это сильно притупило бдительность Ци Шуюэ и заставило забыть, что в реалиях этого мира опасность таится не только в массовых нашествиях живых мертвецов.

Увидев, что этот человек способен нормально стоять и говорить – совсем не так, как обычные зомби или те, у кого вот-вот проявится вирус, – Ци Шуюэ и в мыслях не допускал, что ему выпадет сорвать этот джекпот с ничтожно малым шансом. Но какой бы ни была вероятность, столкнувшись с ней лично, получаешь абсолютные сто процентов.

Однако жалеть о чем-либо было уже поздно. Сердце Ци Шуюэ затопил липкий страх; первым же порывом он попытался вырваться и дать отпор, но сила противника оказалась чудовищной – о том, чтобы вырваться, не могло быть и речи, не получалось сдвинуть его с места даже на миллиметр. На фоне зашкаливающей паники застывшие в глазах Ци Шуюэ слезы сорвались вниз. Его взгляд заволокла туманная, чистая пелена, похожая на осеннюю воду, а дорожки слез скатились по порозовевшим от испуга щекам, придавая этой сцене странный, почти надрывный оттенок и делая его донельзя жалким.

– Пошел вон! Отпусти меня, отпу... –

Ян Чэнь изначально собирался вцепиться ему в горло, но, заметив скатившуюся слезинку, слегка опешил, погружаясь в странное, зачарованное состояние.

Казалось, он снова пришел в хорошее расположение духа и даже немного ослабил хватку. Низко наклонившись, он обнажил пугающе длинные, неестественно острые клыки, а от его дыхания по коже шеи поплыл едва уловимый смрадный душок.

Слезы Ци Шуюэ хлынули с новой силой, он инстинктивно зажмурился, а его ресницы мелко-мелко задрожали.

Его что, укусят? Он превратится в такого же монстра-зомби? А если не повезет еще больше – его просто сожрут целиком, до последнего кусочка?

Будет ли больно?

Миссия провалится прямо здесь?

...Он ведь так боится боли.

В момент отчаянного сопротивления из горла Ци Шуюэ вырвался тонкий, едва слышный всхлип.